

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА
(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

А. М. Хазанов

НАРОДЫ АНГОЛЫ НАКАНУНЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ (мбунду и жага)

Ко времени появления португальских колонизаторов в бассейне р. Конго (конец XV в.) там уже существовало несколько африканских государств, в том числе Конго, Лунда, Ндонго и др. Наиболее высокого уровня политического, социально-экономического и культурного развития достигло государство Конго, во главе которого стоял маниконго (правитель), обладавший функциями верховного земельного собственника, главнокомандующего и судьи.

В отличие от государства Конго, которому посвящено много обстоятельных работ советских, западных и африканских ученых, Ндонго до сих пор не стало предметом специальных исторических исследований. Между тем оно было одним из самых могущественных государств на африканском побережье Атлантики.

Ндонго — так называли свое государство местные жители — мбунду, а португальцы дали ему название «Ангола» по имени правившей там династии Нгола. Это обстоятельство позднее забылось, вследствие чего даже в новейшей литературе происходит путаница в указанных названиях. Однако факт двойного названия страны был зафиксирован многими современниками. Так, голландский путешественник Ян Хердер, побывавший здесь в середине XVII в., отмечал, что «Ангола — имя первого основателя этого королевства, который восстал против короля Конго, данником которого он был. Собственное название страны — Донго, иногда она называется Амбонде» [11, с. 360].

Во многих португальских официальных документах (в официальной корреспонденции, королевских указах и т. д.) конца XVI — начала XVII в. королевство Ндонго именуется «новым королевством дона Себастьяна, завоеванным в Эфиопии». Это длинное и громоздкое название дал королевству португальский завоеватель Диаш де Новаиш, который, основав на

о-ве Луанда город Паулу де Луанда, соорудил там часовню св. Себастьяна в память об одноименном короле Португалии и назвал королевство в честь того же монарха [6, т. III, с. 547]. Однако это название не привилось и постепенно было вытеснено названием «Ангола».

Установить точные географические границы государства Ндонго, или Ангола, не представляется возможным. Однако мы располагаем рядом свидетельств современников, которые дают возможность приблизительно локализовать его. Так, по словам жившего там миссионера Каваци, Ндонго было расположено между р. Данде и 16° ю. ш. С запада его омывал океан, на востоке оно граничило с государством Матамба [7, с. 59—60]. С этим указанием совпадают и сведения Лопиша—Пигафетты и Хердера—Даппера о том, что королевство Ндонго было расположено между реками Данде и Кванза и что его территория омывалась несколькими реками: Данде, Бенго, Кванза, Лукала и Калукала [11, с. 64]. Столицей государства был г. Мбанза-Кабаса.

Почти все современники, писавшие о Ндонго, отмечают его необычайную многонаселенность. Португальский торговец Д. Лопиш, побывавший в Анголе в конце XVI в., свидетельствовал, что «это королевство—самое населенное, какое только можно видеть...» [15, с. 71]. Португальский чиновник Домингуш Абреу де Бриту утверждал в 1591 г., что Ангола—«самая многонаселенная страна на Земле». К этому он не забыл добавить, что она представляет собой «один из самых больших невольничьих рынков, который не будет исчерпан до конца света» [5, с. 229].

Население Ндонго состояло в основном из мбунду—народа, принадлежащего к западным банту. По своим этническим характеристикам мбунду были близки к народу конго, населявшему государство Конго. Д. Лопиш отмечал, что жители Ндонго и Конго говорили почти на одном и том же языке, отличающемся лишь произношением отдельных слов [15, с. 72].

Западные историки склонны преуменьшать уровень хозяйственного и общественного развития этих народов в XV—XVI вв. Однако нужно придать должное значение тому факту, что ко времени появления европейцев мбунду уже имели государственность, обрабатывали металл, в том числе железо и медь, знали гончарное и другие ремесла и умели вырабатывать ткани из рафии.

Жители Ндонго использовали переложную систему земледелия и имели несколько видов прирученных домашних животных—свиней, овец, кур, а в некоторых районах—крупный рогатый скот [10, с. 52—57]. После прихода европейцев они стали культивировать введенные ими сельскохозяйственные растения—маис, маниоку, картофель и др. Монах Антониу Мендиш, описывая Ндонго, сообщал: «Что касается земли, то она изобилует плодами, очень населена и вся полна пальм, из кото-

рых делают вино, оливковое масло и другие продукты питания» [6, т. II, doc. 173, с. 510].

Ян Хердер свидетельствовал, что «земли Луанды сухи и бесплодны, но поля, омываемые рекой Бенго, плодородны. Там растут маниока, маис, бобы, несколько видов трав и фруктовых деревьев». «Впрочем,— добавляет Ян Хердер,— вся страна представляет собой целину, и трудно получать продукты питания». По свидетельству того же автора, на берегах Бенго выращивались апельсины, лимоны, ананасы, бананы, картофель и кокосовые орехи, в провинции Иламба — бобы и кукуруза [11, с. 363].

После того как португальцы завоевали прибрежную часть Анголы, губернатор Фернандо де Соуза в 1629—1630 гг. приказал всем жителям Луанды возделывать по участку земли. «Это освоение целины показалось сначала слишком тяжелым для ангольцев, мало привыкших к работе, но когда они убедились в плодородии земли и получаемых выгодах, они приохотились к сельскому хозяйству» [11, с. 363]. Таким образом, источники указывают на большое разнообразие сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Ндонго.

Наиболее употребительными продуктами питания, по свидетельству современников, были фасоль, а также овечье, козье, свиное и куриное мясо. Как писал один миссионер о жителях Анголы, «обычная пища, которую они едят и когда находятся дома, и когда бывают в пути,— это горячая мука из кукурузы, сделанная наподобие клея (которую они называют „энфунде“) и свиное сало, которое они всегда носят с собой, или какое-либо мясо, а иногда копченая рыба. Их обычное питье — вода или напиток, сделанный из кукурузы (который они называют „оалу“ и который похож на очень плохое пиво)» [6, т. III, doc. 21, с. 135—136].

Одним из важных видов хозяйственной деятельности в Ндонго была добыча нзимбу — раковин, служивших средством обмена во многих районах средневековой Африки [16, с. 42]. Главным местом добычи этой своеобразной африканской валюты был о-в Луанда. По свидетельству Гарсиа Симоинша, на о-ве Луанда в 70-х годах XVI в. проживало 3 тыс. человек, большинство из которых было занято на добыче нзимбу [6, т. III, с. 131]. Сбор раковин составлял монополию правителя Конго, поэтому все нзимбу отправлялись в столицу государства Конго — Мбанза-Конго. Лопиш писал: «Остров Луанда является для короля Конго шахтой, откуда он черпает свои запасы „драгоценных металлов“, причем эти сокровища он и его соседи ценят больше, чем золото и серебро. Для сбора используют женщин, которые входят глубоко в море и наполняют корзины песком, из которого затем извлекают маленькие раковинки. Их промывают, очищают и относят в казну короля» [15, с. 38].

Остров Луанда в начале XVI в. был известен как «остров

монет». Как сообщает португальский чиновник Абреу де Бриту, сбор нзимбу проводился по приказу маниконго в 4 лигах (1 лига равняется 5 км) от берега для того, чтобы «скрыть столь великое богатство от португальских властей» [3, doc. 25—27]. Педру Сардинья, побывавший в Ндонго в начале XVII в., также писал, что нзимбу находят в море вдоль о-ва Луанда и что самый крупный из них — немного меньше кедрового ореха, а самый маленький имеет размеры пшеничного зерна. Он утверждал, что это важнейшая монета из всех, имеющих хождение в Конго, монарх которого ценит ее так же, как король Португалии — рудники Потоси, и если у него отнимут о-в Луанда, он начнет войну [6, т. VI, с. 54].

Раковины нзимбу служили главным средством обмена в государстве Конго. Абреу де Бриту писал в докладе королю в 1591 г.: «Нзимбу настолько ценятся в этом королевстве, что, когда я, будучи в городе Луанда, послал в Конго множество золотых монет для покупки рабов, эти монеты были отвергнуты продавцами, сказавшими, что их истинные деньги и золото — нзимбу Луанды, которые делают их богатыми...» [6, т. IV, doc. 131, с. 538].

Нзимбу не только подвергались специальной обработке, но и просеивались через особое решето, находившееся в королевской казне. Покупательная способность раковин определялась их размером. В зависимости от размеров эти оригинальные денежные знаки, столь удивлявшие всех видевших их европейцев, делились на десять категорий различного достоинства. При крупных сделках пользовались специальными мешочками, вмещающими 1000, 10 000 и 20 000 нзимбу [10, с. 308].

Однако нзимбу, игравшие роль главной денежной единицы в государстве Конго, не играли ее там, где они добывались, — в государстве Ндонго. Они имели хождение в Ндонго в качестве денег, но были там не главным, а лишь вспомогательным средством обмена. Король Конго Алвару II писал в 1604 г. в инструкциях своему послу в Риме, что «нзимбу не имеют хождения в королевстве Ангола» [10, с. 31]. Главными же денежными эквивалентами в Ндонго были, по-видимому, соль, куски ткани и раковины — либонгос и панос, а после появления европейцев — венецианское стекло. Свидетельства, подтверждающие это предположение, мы находим в книгах О. Дашпера и Ф. Пигафетты.

Пигафетта со слов Лопиша пишет об Анголе: «Монеты этой страны не те же самые, что монеты Конго. Они состоят не из раковин, а из бусинок венецианского стекла величиной с орех и меньше. Эти бусинки служат деньгами, а также украшениями в виде колье и браслетов, которые носят и мужчины и женщины» [15, с. 72]. Дашпер сообщает, что самыми лучшими украшениями у жителей королевства считаются колье и браслеты из стекла, называемые «анзолос», которые они передают по наследству своим сыновьям [11, с. 367].

В своем докладе под названием «История резиденции отцов общества Иисуса в Анголе», составленном в 1594 г., монахи-иезуиты констатировали, что соль «служит черным деньгами, за которые они покупают товары» [6, т. IV, doc. 132, с. 550]. «Соль является их монетой, и за нее продают все вещи,— сообщает монах Антониу Мендиш,— эта соль находится в большой горе, и ее оттуда извлекают и делают из нее квадратные камни... За каждый из них можно купить три петуха и шесть куриц» [6, т. II, doc. 173, с. 511].

Раковины нзимбу служили предметом экспорта не только в Конго, но и в другие страны. Они имели хождение как средство обмена у жага, в Судане и в Бенине [12, с. 102—104]. Вначале нзимбу использовали как украшения, но со временем благодаря своему маленькому весу и размеру, легкости счета и транспортировки, не говоря уже об их необычайной прочности, красоте и невозможности фальсификации, эти ракушки обнаружили преимущества, похожие на преимущества металлической монеты, благодаря чему они приобрели хождение почти на всем западноафриканском побережье [16, с. 15—16].

Источники позволяют выделить три основные социальные группы в ангольском обществе: знать (макотас), простой народ и рабы [11, с. 366—367]. Наличие последней группы, казалось бы, дает основание отнести государство Ндонго к числу рабовладельческих. Однако источники с очевидностью показывают, что в Ндонго существовали такие формы землевладения и землепользования, которые должны быть определены как феодальные. В самом деле, здесь мы видим все характерные признаки раннефеодальных общественных отношений.

Неограниченное право распоряжаться землей принадлежало королю. При этом он как бы персонифицировал государственную власть, в руках которой находилась верховная собственность на землю. Наряду с этим существовало условное пожизненное право, которое имели вассалы короля — соба (правители провинций и небольших политических объединений — княжеств). Третьей формой землевладения были пожалования короля за особые заслуги в наследственное владение. Вассальная зависимость соба от короля проявлялась не только в том, что они имели лишь право временного держания земли, но и в том, что они были обязаны платить вассальную дань [11, с. 372].

В свою очередь, соба являлся сеньором для лиц, стоявших на ступеньку ниже на феодально-иерархической лестнице королевства. Таким образом, перед нами, несомненно, система вассальной зависимости, составляющая иерархическую сеньориальную структуру, типичную для обществ раннефеодального типа. Для этой структуры характерны «договорные» отношения — имеющая силу закона система прав и обязанностей между сеньорами и вассалами. Таким образом, социальные отношения между основными классами этого общества — феодалами и

крестьянами — были скреплены юридическими обязательствами, представляющими собой легальное выражение этих базисных отношений.

В Ндонго мы видим все основные черты, характерные для раннефеодального общества: условные феодальные земельные держания, система вассалитета, уплата соба вассальной дани королю, личная зависимость крестьян и т. д.

Наряду с пожизненным земельным владением в Ндонго существовало и наследственное, но оно, по-видимому, не получило большого распространения. Можно с большой долей вероятности предположить, что преобладающей формой землевладения в Ндонго была не частная феодальная собственность, а условная временная.

Характерная особенность государства Ндонго, как и многих других средневековых африканских государств, состояла в том, что процесс формирования феодальных отношений протекал здесь в условиях существования весьма сильных и получивших широкое развитие родо-племенных отношений, испытывая на себе их значительное воздействие.

В государстве Ндонго явственно различимы три социально-хозяйственных уклада: господствующий феодальный, рабовладельческий и значительные элементы первобытнообщинных отношений. Последние имели столь большое распространение и играли столь значительную роль в этой социально-хозяйственной структуре, что порой не представляется возможным провести четкую границу между феодальными и родо-племенными институтами. Это объясняется в значительной степени тем, что класс феодалов в Ндонго возникал в результате феодализации родо-племенной верхушки, вследствие чего феодальные институты как бы «вырастали» из родо-племенных и несли в себе их элементы и черты.

В государственно-правовой области это проявлялось в наличии догосударственных форм управления (соба были правителями племенных княжеств и сохраняли многие черты родо-племенных вождей и старейшин). Такие архаические институты, с одной стороны, тормозили процесс феодализации, а с другой — ослабляли эффективность государственной власти. Все это обусловило более примитивный характер Ндонго и других африканских государств по сравнению с раннефеодальными государствами Западной Европы, возникшими в VIII—IX вв. на развалинах Римской империи.

Верховная власть в стране, как отмечалось, принадлежала королю. Он был неограниченным и абсолютным повелителем над жизнью и смертью своих подданных. Помимо того что король обладал верховным правом на всю землю государства, он был еще верховным судьей и верховным главнокомандующим. Такая практически неограниченная власть короля вытекала из суеверного представления африканцев о нем как о существе высшего порядка, обладающем неземным могуществом.

благодаря которому он может распоряжаться всеми земными стихиями. Гарсия Симоинш сообщает: «О короле открыто говорят, что он хозяин солнца и дождя и что он по своему желанию приказывает дождю быть или не быть. Сегодня мне сказал один уважаемый человек, который от имени губернатора пришел посетить наш орден, что ему то же самое говорил сам король» [6, т. III, doc. 21, с. 137].

При королевском дворе, отличавшемся необычайной пышностью, строго соблюдался самый сложный церемониал, который в значительной степени был имитацией придворного этикета в государстве Конго. О. Даппер пишет о правителе Ндонго: «Этот король, который во всем обезьянничает с короля Конго, держит большое число павлинов и запрещает делать это всем своим подданным под страхом смерти или обращения в рабство со всей семьей. Если кто-либо вырвет у какой-нибудь из этих птиц хоть одно перо, его подвергают тому же наказанию» [11, с. 370].

Любопытные сведения о сложном церемониале, существовавшем при дворе, сообщает Гарсия Симоинш. Он пишет, что «учтивость, которую (жители Анголы.— А. Х.) проявляют в отношениях с королем и друг с другом, состоит в том, что они хлопают в ладоши... Они имеют обыкновение брать обеими руками то, что им дает король, даже если это очень маленькая вещь... Король полагает, что, когда его подданный берет что-нибудь только одной рукой, ему не следует особенно доверять» [6, т. III, doc. 21, с. 137].

Весьма интересную информацию мы находим в воспоминаниях английского матроса А. Найвета (XVI в.). Эта информация особенно ценна, поскольку ее отличает высокая степень достоверности: Найвет хорошо знал предмет, о котором он пишет, так как много лет провел в Анголе. Он сообщает: «Черные мавры имеют хорошие законы и очень боятся своего короля. Этого короля постоянно посещают знатные люди его королевства, а когда он отправляется за границу, он всегда имеет в охране не менее 200 лучников, а также 12 человек, которые идут впереди, поют и играют на дудках, сделанных из большого тростника, и 4 или 5 молодых мавров, идущих за ним в качестве его пажей. За ними следуют все его знатные люди» [4, с. 94].

Вся территория государства была разделена на несколько провинций, во главе которых стояли губернаторы. Названия провинций, согласно ряду источников, были следующие: Иламба, Кисама, Моссекэ, Донго (где находилась столица государства Мбанза-Кабаса), Аре, Унго. Провинции, в свою очередь, делились на районы, во главе которых стояли соба, жившие в деревнях, называвшихся «банза». Соба имели очень большую, практически неограниченную власть. В письме Гарсия Симоинша мы читаем: «Король Анголы, как говорят, имеет 10 или 12 соба, между которыми разделено все его королевство и ко-

торые являются князьями и великими сеньорами. Каждый из них в своей земле имеет право продавать и убивать своих вассалов, когда этого требует характер совершенного ими проступка» [6, т. III, doc. 21, с. 134].

Ниже соба стояла знать макотас. Соба пользовались большим почетом и были сеньорами по отношению к макотас, оказывавшим им знаки вассальной преданности. Как сообщает О. Даппер, «макотас, или благородные, имеют право подходить к ним и разговаривать с ними, но для этого они должны встать на колени и хлопнуть в ладоши в знак уважения» [11, с. 370].

Насколько можно судить по источникам, среди макотас широкое распространение имели своеобразные «дворянские поединки» — дуэли с помощью луков и стрел. Найвет сообщает: «Когда между ними случаются ссоры, они просят у короля разрешение на битву и затем сражаются перед ним. Они подходят к королю... встают на колени, протягивают руки и кричат: „Суд сражением!“ Затем король ударяет их по спинам конским хвостом. Тогда они идут в поле и сражаются луками, пока один не убьет другого» [6, т. IV, doc. 132, с. 559].

Всеми судебными делами в государстве ведал один чиновник — тендала. Он выслушивал стороны и творил суд [4, с. 95].

Функции командования армией во время войны лежали на особом чиновнике, называвшемся «чиамболе». Авторы «Истории резиденции отцов общества Иисуса» (1594 г.) сообщают: «Король Анголы сам никогда не участвует в битвах. Когда начинается война, он приказывает соба прислать ему такое число лучников, которое он считает достаточным. Он передает их под командование... чиамболе, имеющего неограниченную власть во всем, что касается войны. Для судебной администрации он посылает с ним тендала» (судью). Война всегда была связана со сложными церемониями, обычаями и обрядами, которые, по убеждению ангольцев, должны были благоприятствовать их успеху. «Если в военном лагере кто-либо, увидев дурной сон, закричит „ита, ита!“, т. е. „война, война!“, то другие будут считать его плохим воином и отрубят ему голову... За четыре-пять дней до битвы король отделяется от жен и находится в доме, из которого никто не должен выходить, кроме одного пользующегося его доверием вассала, который приносит ему пищу. Дав битву, чиамболе... едет с отчетом к королю... Он рассказывает, как расставил войска и как дрались воины. Обычно его люди строятся в три эскадрона, в среднем идет чиамболе, в двух других — другие капитаны, в переднем — наиболее храбрые, называемые „гунзис“» [6, т. V, doc. 132, с. 562, 563].

Вооружение армии Ндонго состояло из луков, дротиков и ножей. По свидетельству того же источника, «самые храбрые имеют только одну или две стрелы и твердое намерение не потерять впустую первого броска, ибо если они его потеряют и враг набросится на них, им не останется ничего другого, как воткнуть в него вторую стрелу и попытаться оторвать ему

голову. Они сражаются с португальцами очень храбро, хотя на равнине никогда не одерживали верх. Но когда они собираются в своих крепостях, которые представляют собой особого рода заросли, имеющие листву, через которую их невозможно увидеть, они обычно причиняют больше ущерба нашим. И уже сегодня их смелость столь велика благодаря нескольким победам, одержанным над нашими в таких местах, что те, кто прежде бежали только при одной мысли о мушкетах, теперь осмеливаются хвататься за них и вырывать их из рук солдат» [6, т. IV, doc. 132, с. 563—564].

Армия Ндонго была весьма многочисленной. Монах Антониу Мендиш уверяет, что он видел, как прошли «тысяча за тысячей» 50 тыс. солдат короля Ндонго, отправленных на подавление восстания 12 местных князьков [6, т. II, doc. 173, с. 509]. Многие современники, говоря о численности армии Анголы, называют цифры в 60 тыс., 100 тыс., 200 тыс., 900 тыс. и даже 1 млн. Как правило, эти оценки сильно преувеличены. Но в то же время можно допустить, что короли Анголы могли выставить на поле боя войско в несколько десятков тысяч человек, так как в XVI—XVII вв., страна имела очень многочисленное население, поскольку работорговля не получила еще тех внушительных масштабов, которых она достигла в XVIII—XIX вв.

Подробное описание армии Анголы приводит в своем «сообщении» Лопиш. Он отмечает, что эта армия и ее боевой порядок во многом напоминают армию Конго. Войска передвигаются пешком «и в зависимости от условий местности то рассыпаются, то соединяются, то разделяются на группы». Управление войсками осуществляется с помощью специальных сигналов. «Эти сигналы приказывает подавать командующий, который находится в середине войска... Главные инструменты для подачи этих сигналов бывают трех видов. Первые — это огромные деревянные трещотки, которые производят ужасный звук, и барабаны, сделанные из кожи, натянутой на цилиндр из коры, по которому ударяют молотком из слоновой кости. У них есть также инструмент, имеющий форму опрокинутой треугольной пирамиды, сделанной из железных пластинок, а для того чтобы он производил ужасный звук, в пластинках делают трещину. В-третьих, они используют пустые слоновьи бивни, большие и малые... в которые дуют, чтобы произвести воинственную музыку, способную возбудить храбрость в случае опасности. Командующий армией должен всегда иметь при себе достаточное число инструментов всех трех видов, больших и малых. Если нужно дать сигнал всей армии, он приказывает звучать самым большим, если только части ее, он приказывает звучать меньшим соответственно числу людей этой части, так что каждый отряд имеет свой особый сигнал, который он знает и повторяет» [15, с. 71].

Командиры отличались от простых солдат высокой прической, украшенной страусовыми, павлиньими и петушиными

перьями, которые, по словам Лопиша, «помогали им казаться очень большими и придавали очень грозный вид». Голые по пояс, они носили на шее железные цепочки. Короткие, до колен, штаны были перетянуты красивым поясом, к которому были подвешены колокольчики, звеневшие при малейшем движении. По этому звону солдаты определяли местонахождение командиров. Простые солдаты имели одежду лишь на нижней части тела — это был кусок ткани или звериная шкура.

В первый ряд войска ставили обычно самых смелых и ловких воинов. Они, как и командиры, имели колокольчики, по звону которых остальное войско узнавало о приближении опасности и о начале битвы.

В начале сражения применялся рассыпной строй для того, чтобы «легче было метать стрелы и избежать стрел врага. Когда первый ряд кажется усталым, ему дается сигнал к отступлению и, поняв его, он немного отступает, чтобы уступить место новым, свежим войскам, и это повторяется несколько раз до тех пор, пока вся армия не устремится в атаку» [15, с. 68].

До появления португальских миссионеров жители Анголы были идолопоклонниками. По свидетельству современников, они называли своих идолов общим именем Ганганжумба. Кроме того, каждый из этих идолов имел собственное имя: Кинжунго, Калинете и др. Суеверные ангольцы были твердо убеждены, что все болезни являются результатом гнева этих злых духов, который можно успокоить путем пролития пальмового вина [11, с. 372].

В анонимной рукописи XVIII в., написанной как руководство для будущих миссионеров в Конго и Анголе, говорится: «Идолопоклонство, которое практикуется в этих странах, на первый взгляд кажется самым дьявольским, какое только можно встретить во всем мире... В своем заблуждении они считают демона всемогущим и верховным судьей, но, по их мнению, он способен творить только всевозможное зло. Они воздают ему своего рода культ: приносят ему жертвы, жгут ритуальные предметы, играют в его честь на инструментах, поют, славословят, вызывают и т. д. ... Они имеют обычай почитать также львов и тигров, и когда они встречают одного из этих диких зверей, то не осмеливаются ни убить его, ни убежать, они бросаются на колени и начинают воздавать ему хвалу, умоляя не разрывая их на куски и питая ложную надежду, что это может умерить или парализовать его свирепость».

Все современники подчеркивали исключительную суеверность ангольцев. Лопиш писал, что «они, как некогда римляне, до такой степени верят в предзнаменования, что если они встречают птицу, летящую налево от них или кричащую определенным образом, они отказываются от своего решения и возвращаются назад» [15, с. 71].

Огромным влиянием в государстве пользовались жрецы (гангас), служившие в храмах, построенных во многих местах.

Гангас, считавшиеся служителями идолов, сами почитались как боги. По свидетельству Даппера, народ верил, что «они могут закрывать небо и вызывать дождь, давать плодородие и изобилие, давать жизнь или смерть, проникать в будущее» [11, с. 372].

Соба имели право на гаремы. По свидетельству современников, «как король, так и соба имеют много жен, и среди них одну — главную» [6, т. IV, doc. 132, с. 559]. Многоженство было общераспространенным и официально узаконенным обычаем. При этом количество жен непосредственно зависело от общественного и имущественного положения человека и в то же время было его показателем. Даппер пишет: «Мужчины берут столько жен, сколько они могут прокормить. Но первая жена имеет власть над другими, если ее свадьба была отпразднована с христианскими церемониями» [11, с. 367].

Разумеется, это свидетельство относится уже к сравнительно позднему периоду, когда христианство пустило в Анголе довольно прочные корни. Что касается дохристианского периода, то, хотя семья была тогда тоже полигамной, брак характеризовался крайней непрочностью и был легкорасторжим. В документе под названием «Сведения о браках в Анголе», написанном в 1582—1583 гг., его автор Б. Баррейра сообщает, что «язычники Анголы... все женятся с подразумеваемым условием, что могут разойтись всякий раз, как пожелают вступить в новый брак... Всякий раз, когда женщина, недовольная мужем, оставляет его и идет в дом отца, ее отец обязан выплатить то, что муж дал за нее, когда ее принял. И, таким образом, постоянно оставляют одних и берут других... и всех называют женами. Этот обычай настолько распространен, что даже король с тех пор, как мы приехали в эту страну, бросил уже трех королев... Они женятся на многих женщинах, и первый делает так король, как и все, имеющие некоторое состояние» [6, т. III, doc. 55, с. 230].

К началу XVII в. государство Ндонго достигло пика своего экономического и военного могущества. Это проявилось, в частности, в том, что когда португальские колонизаторы построили в начале XVII в. ряд крепостей на Атлантическом побережье и попытались захватить Ндонго, мбунду оказали им стойкое и мужественное сопротивление. В 20-х годах XVII в. на территории Ндонго под руководством «чернокожей Жанны д'Арк» Нзинги Мбанди Нгола развернулась антиколониальная борьба, надолго задержавшая дальнейшую колонизацию и захват португальцами внутренних районов Анголы [2, с. 72—100]. Лишь в конце XVII в. колонизаторам удалось, сломив сопротивление мбунду, покончить с независимостью государства Ндонго.

Одним из самых любопытных и наименее изученных этнических образований были жага. В португальских текстах XVI—XVII вв. неоднократно встречаются упоминания об этом народе. Особенно часто термин «жага» фигурирует в официальной

корреспонденции португальских резидентов в Конго в 60-х годах XVI в. Как явствует из этих документов, в 1569 г. имело место вторжение в Конго народа жага и разрушение столицы государства — Сан-Салвадора, что заставило короля Конго Алвару I просить помощи у португальцев.

В то же время у авторов XVIII в. то и дело встречаются упоминания о «жага Касанжи», «жага Каконды» и «варварах-каннибалах» жага, или йака, которых часто использовали в качестве наемников португальцев.

Наконец, подробные сведения о воинственных ордах жага мы находим в воспоминаниях английского матроса Эндрью Беттела, который был их пленником в течение 21 месяца между 1601 и 1603 гг. в районе, примыкающем к р. Кеве (или Куво), впадающей в океан южнее Бенгела-Велья (ныне Порту-Амбоин) [4, с. 20].

Чем объяснить такой разноречивой в употреблении термина «жага» и что же он все-таки означает? Относится ли он к какому-либо племени или другому этническому образованию, либо это титул короля, название определенной должности или просто-напросто наименование воинственных банд?

Как мы уже говорили, термин «жага» особенно часто фигурирует в различных источниках начиная с 60-х годов XVI в., и нетрудно заметить, что именно с этого времени появляется разноречивой в его употреблении. Данное обстоятельство наводит на мысль, что жага до 60-х годов XVI в. и после — не одно и то же. Это априорное соображение становится трудноопровержимой гипотезой, если вспомнить, что именно в 60-х годах XVI в. имело место страшное нашествие жага на Конго и разрушение Сан-Салвадора. По-видимому, это нашествие вселило такой ужас в португальцев, что они стали позже применять это название ко всем воинственным народам Тропической Африки [8, с. 70]. Собственно жага, по-видимому, следует считать народ, который фигурирует под этим названием в ранних источниках первой половины XVI в.

Планкер, опираясь на сведения Дж. Квацци, долгое время жившего среди жага в королевстве Матамба в период правления знаменитой Нзинги Мбанди Нгола, а также изучив устную традицию йака — одного из современных народов, сложившихся на этнической основе жага, пришел к выводу, что последние пришли с юга или юго-востока Африки, с берегов р. Кунене, и близки к современным бечуана.

Что касается тех жага, которые упоминаются в более поздних источниках (конца XVI — начала XVII в.), то под ними, видимо, имелась в виду целая группа народов, зона обитания которых образовывала своего рода подкову вокруг государства Конго и Ндонго, центральная часть которой находилась в Имбангала. Здесь проживали селе, жага Беттела (у устья р. Кеве), амбоим, либоло (к югу от р. Кванза) и имбангала. Касанжи, смешанные с лунда, жага и йака, фиксируются источ-

никами к востоку от Кванго (на территории нынешнего Заира) после 1750 г. [8, с. 71].

Наиболее осведомленным из всех, сообщающих нам о жага, несомненно, был Э. Беттел, проживший среди них около двух лет. В своей книге он рисует нам жага как исключительно воинственный народ, передвигавшийся с одного места на другое и уничтожавший всех, кто попадался ему на пути. Он рассказывает, что жага не воспроизводили себя нормальным путем, так как все новорожденные умерщвлялись, а свои ряды пополняли, уводя в полон юношей и девушек завоеванных народов, которых перевоспитывали в традициях жага. В результате этнический состав жага был весьма неоднородным и практически не поддается научному учету. Как считает американский исследователь Дж. Миллер, отряды жага во все возраставшей пропорции должны были состоять из чокве и сонго [1, с. 143]. «Грозные отряды воинов-киломбо, очевидно, выросли из комбинации институтов овимбунду и чокве (луэна), сложившейся в то время, когда группа кингури, уже испытывавшая на себе сильное влияние обычаев чокве в период миграции через Итенго и Мона-Кимбунду, встретила к западу от Кванзы с умбундуязычными народами» [1, с. 143].

От овимбунду жага восприняли общество воинов под названием «киломбо». Первоначально это слово означало мужскую ассоциацию, открытую для всех, в которой ее члены проходили тяжкие ритуалы посвящения, прививавшие им дух воинского братства и сплотивавшие их в единый отряд, неуязвимый для оружия врага. Общество киломбо привнесло в ряды жага два качества, которых им до этого нехватало: «во-первых, прочную структуру, способную объединить большое число чужих друг другу людей, и, во-вторых, военную дисциплину, помогавшую побеждать крупные королевства, которые преграждали им путь на север, за Лухандо, и на запад от Кванзы» [1, с. 143]. Позднее термином «киломбо» стали называть крепость, укрепленный лагерь, возводимый жага во время их многочисленных завоевательных походов. «Когда жага появились западнее Кванго,—пишет исследователь Д. Лара,—они жили, кормясь войной, в своих укрепленных лагерях, или „киломбо“, в перерывах между быстрыми и эффективными рейдами. Мужчины и женщины сражались бок о бок, новорожденных, очевидно, предавали смерти, чтобы они не мешали движению отрядов» [14, с. 104].

«Когда они поселяются в какой-либо стране,—рассказывает Беттел,—то остаются там не дольше, чем она может обеспечить их средствами существования. Во время жатвы они селятся в самом плодородном месте, какое могут найти, и снимают урожай своих врагов и забирают их скот. Ибо они не сеют и не выращивают скот, а добывают все это в войнах» [4, с. 30].

Беттел, а с его легкой руки и все позднейшие исследователи считают чуть ли не главной характерной для жага чертой

их патологическую страсть к антропофагии. Беттел расписывает эту их страсть в таких подробностях, которые могут отбить аппетит даже у очень проголодавшегося человека. Однако, как можно предполагать с очень большой степенью вероятности, обычай есть человеческое мясо имел не гастрономическое, а символическое значение и был своего рода ритуалом мести в отношении врагов. К врагам, по-видимому, приравнивались трусы и предатели, которых постигала такая же незавидная участь. «Те, кто малодушничали и повертывали спины к врагу, тотчас же осуждались за трусость, и их тела съедали» [4, с. 29].

Утверждение Беттела о том, что жага «питаются главным образом человеческим мясом» [4, с. 21], является, мягко говоря, преувеличением. Оно обнаруживает свою несостоятельность и явную неосведомленность автора в данном вопросе уже при простом сопоставлении с его же упоминанием о том, что жага имеют «великие запасы скота и пшеницы и многие другие товары» [4, с. 22]. Беттелу явно хотелось удивить своих читателей сенсационностью описываемых им событий, а также заставить их поверить в высокую степень риска, которой он подвергался. Этим, вероятно, объясняются многие преувеличения и фантастические детали, содержащиеся в его описании.

Вождь жага (Великий жага) был их высшим военачальником, которому они все беспрекословно повиновались. Вот как выглядел, по описанию Беттела, этот верховный вождь: «Великий жага Каландо носит очень длинные волосы... вокруг шеи у него — ожерелье из раковин, которые находят на берегу... Он носит вокруг талии ткань из пальмы, прекрасную, как шелк... Он носит в носу кусок меди в два дюйма длиной и то же в ушах. Его тело всегда раскрашено в красный и белый цвета. Он имеет 20 или 30 жен, которые следуют за ним» [4, с. 31—32]. Вождю подчинялись 12 помощников, которые командовали отдельными воинскими подразделениями.

Как только жага приходили на новое место, они тотчас же создавали хорошо укрепленный военный лагерь. Согласно сведениям, приводимым Каватци, этот лагерь (киломбо) обносился двойным частоколом. В центре лагеря находились домики главнокомандующего и шести его помощников. Дом главнокомандующего огораживался рвами и охранялся с помощью стражи. Жага строили свои дома очень близко друг к другу. Их луки, стрелы и дротики всегда стояли снаружи, около дверей, так что, когда объявлялась тревога, жага невозможно было застать врасплох. Лагерь имел несколько ворот, у которых выставлялась ночная стража с барабанами и тавайлем (вид музыкального инструмента) [7, с. 207].

Беттел дает живописное и обстоятельное описание военной тактики жага, с несомненностью свидетельствующее об уме, изобретательности и находчивости их военачальников и о смелости, ловкости и высоком военном мастерстве рядовых вои-

нов. Когда жага приходят в новую страну, сообщает Беттел, «их генерал строит свой форт и живет там спокойно месяц или два. Ибо он говорит, что для жителей видеть, что он поселился в их стране,—столь же великая война, как если бы он сражался с ними ежедневно. Жители много раз приходят и осаждают его форт, а эти жага обороняются... Когда же их генерал решает перейти в нападение, он выводит ночью из форта тысячу людей, которые устраивают засаду примерно в миле от него. Затем утром Великий жага выходит с остальным войском из форта, как если бы он хотел взять город. Жители, подошедшие к форту, чтобы защитить свою страну, оказываются между теми и другими. Жага дают сигнал с помощью барабанов, и тогда люди, укрывшиеся в засаде, встают, и очень мало кому удается спастись. В этот день их генерал опустошает страну» [4, с. 31].

Изучение источников приводит нас к выводу, что в области военного искусства жага оставили далеко позади многие другие африканские народы и стали (это можно утверждать без всякого опасения впасть в преувеличение) одной из самых серьезных в военном отношении сил на континенте. Именно совершенная (для того времени) военная организация, сила, ловкость и исключительное мужество жага позволили им стать грозными противниками для португальцев, которые обладали огнестрельным оружием, до того неизвестным народам Африки. Около тридцати лет жага оказывали героическое сопротивление португальским захватчикам в Анголе, сражаясь под знаменами легендарной королевы Нзинги Мбанди Нгола.

В 1594 г. Великий жага Касоч нанес сокрушительное поражение португальскому военачальнику Балтазару де Алмейда, уничтожив при этом 800 португальцев [4, с. 27].

Разбойничий образ жизни и разбойничьи нравы жага, каннибализм и другие их малопочтенные занятия, по-видимому, не мешали быть этим профессиональным грабителям весьма суеверными, сентиментальными и даже музыкальными людьми. Из источников видно, что всякого рода суеверия, анимистические культы и музыка играли в их жизни исключительно большую роль. Беттел пишет: «Когда Великий жага Каландола затевает крупное предприятие против жителей какой-либо страны, он приносит жертву дьяволу утром перед восходом солнца. Он сидит на стуле, а по обе стороны от него стоят колдуны. Вокруг него стоят 40 или 50 женщин, держа в каждой руке „зебра“ — хвост дикой лошади, которым они размахивают, и поют. За ними — великое множество музыкальных инструментов и барабанов, на которых все время играют» [4, с. 33]. Суеверие жага подтверждается и другими источниками.

Женщины жага были столь же воинственны, как и мужчины. Они носили мужчинам оружие и часто сами участвовали в сражениях. По Беттелу, они выбивали себе «для храбрости» четыре зуба (два сверху и два снизу), причем те, кто боялись

это сделать, были для жага «отвратительны и они никогда не ели и не пили с ними» [4, с. 32].

К середине XVII в. жага расселились среди мбунду, создав группу государств, просуществовавших до XIX в. Наиболее крупным и высокоцентрализованным из этих государств было Касанже. Оно возникло на этнической базе жага и восточных мбунду в Байша де Касанже и в долине р. Кванго. После 1648 г. государство Касанже стало своего рода посредником на главном работорговом пути от Луанды через Маланже к р. Кванго и оттуда к территории Лунда. Португальцы организовали в XVII в. ярмарку в столице Касанже, с помощью которой правитель государства (кингури) монополизировал снабжение рабами прибрежных рынков. Однако к концу XVIII в. кингури потеряли контроль над работорговлей, на которой базировались их власть, могущество и процветание, после чего как централизованная система управления, так и вообще государство Касанже пришли в упадок.

Л и т е р а т у р а

1. *Миллер Дж.* Короли и сородичи. М., 1984.
2. *Хазанов А. М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII вв.). М., 1976.
3. *Arquivos de Angola. Serie 1. Vol. 3.* [Б. м., б. г.].
4. *Battell A.* The Strange Adventures of Andrew Battell of Leigh in Angola and the Adjoining Regions. L., 1901.
5. *Boxer C. R.* Salvador de Sá and the Struggle for Brazil and Angola (1602—1686). L., 1952.
6. *Brasão A.* Monumenta missionaria africana. Africa Occidental. Lisboa, 1952—1955.
7. *Cavazzi G. A.* Istorica descrittione de tre regni. Congo Matamba e Angola. Bologna, 1687.
8. *Cornevin R.* Histoire de l'Afrique. T. II. P., 1966.
9. *Couto C.* O zimbo na historiografia angolana. Luanda, 1973.
10. *Cuvellier J.* L'ancien royaume de Congo. Bruges, P., 1946.
11. *Dapper O.* Description de l'Afrique. Amsterdam, 1686.
12. *Felgas H. A. E.* As populações nativas. do Congo Português. Luanda, 1960.
13. *Labat J. B.* Relation historique de l'Ethiopie occidentale, contenant la description des royaumes du Congo, Angola et Matamba. T. 1. P., 1732.
14. *Lara O. D.* Negro Resistance to Slavery and the Atlantic Slave Trade, from Africa to Black America.— The African Slave Trade from XV to XIX Century. P., 1979.
15. *Pigafetta Ph.* Le Congo. La veridique description du royaume africain. Bruxelles, 1883.
16. *Rebello de Sousa.* Moedas de Angola. Luanda, 1967.